

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.

Gesanglos war ich, und beklommen
So lange Zeit; nun dicht' ich wieder.
Wie Thränen, die uns plötzlich kommen,
So kommen plötzlich auch die Lieder!

Heine.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе А. Смирдина сына и К^о.

1858.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 25 апрѣля 1858 годъ.

Ценсоръ В. Бекетовъ

Въ типографіи И. Шумахера.

*Домчатся-ль къ вамъ знакомыхъ пьсенъ звуки,
Друзья моихъ погибшихъ юныхъ лѣтъ?
И братскій вашъ услышу-ль я привѣтъ?
Все тѣже-ль вы—что были до разлуки?*

*Быть можетъ, мнѣ иныхъ не досчитаться!...
А тѣ — въ чужой, далекой сторонѣ,
Уже давно забыли обо мнѣ....
И некому на пѣсни отозваться!..*

*Но я—среди бурь, въ дни горя и печали,
Былъ вѣренъ вамъ, весны моей друзья,
И снова къ вамъ несется пѣснь моя,
Когда, какъ сонъ, невзгоды миновали.*

1. РАЗДУМЬЕ.

Дни скорби и тревогъ, дни горькаго сомнѣнья,
Тоски болѣзненной и безотраднѣхъ думъ,
Когдажъ минуете? Иль тщетно возрожденья
Такъ страстно сердце ждетъ, такъ сильно жа-
ждетъ умъ?

Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта!
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ.
Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта —
Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.

Какъ мало радостей они мнѣ подарили,
Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты,
Морозы ранніе безжалостно побили
Безпечной юности любимые цвѣты.

И чистыхъ помысловъ и жаркихъ упованій,
На жизненномъ пути растратилъ много я;
Но средь неравнѣхъ битвъ, средь тяжкихъ ис-
пытаній
Чтожъ обрѣла въ замѣнъ всѣхъ грезъ душа
моя?

Увы! лишь жалкое въ себѣ разувѣренье,
Да убѣжденіе въ бесплодности борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
Ждѣть не должно себѣ пощады отъ судьбы.

И даже ты моимъ призывамъ измѣнила,
Друзей свободная и шумная семья!
Привѣта братскаго живительная сила
Мнѣ не врачуетъ духъ въ тревогахъ бытія.

Но пусть ничѣмъ душа больная не согрѣта,
А съ жизнью всё таки разстаться было-бъ жаль,
И хоть не вижу я отраднаго разсвѣта,
Еще невольно взоръ съ надеждой смотреть въ
даль.

2. МОЛИТВА.

О Боже мой, возстанови
Мой падшій духъ, мой духъ унылый.
Я жажду вѣры и любви,
Для новыхъ битвъ я жажду силы.

Запуганъ мракомъ ночи я —
И въ немъ я ощупью блуждаю;
Ищу въ свѣтильникъ свой огня,
Но гдѣ обрѣсть его не знаю.

Въ изнеможенъя скорбный часъ
Простри спасительныя руки, —
Да упадетъ завѣса съ глазъ,
Да прочь идутъ сомнѣнья муки.

Внезапнымъ свѣтомъ озарѣнъ,
Отъ жи мой умъ да отрѣшится,
И вмѣстѣ съ сердцемъ да стремится
Постигнуть истины законъ.

Услышь, о Боже, голосъ мой!
Да возлюбивъ всѣмъ сердцемъ брата,
Во тѣмъ затерянной тропой —
Пойду я вновь—и безъ возврата!

3.

О нѣтъ! не всякому дано
Святое право обличенья.
Кто не взростилъ въ себѣ зерно
Любви живой и отреченья,
И бесполезно и грѣшно
На мѣръ его ожесточенье.

Но если пламенная рѣчь
Изъ сердца чистаго стремится,
Она разитъ какъ Божій мечъ,
Дрожитъ, блѣднѣетъ и стыдится
Предъ нею тотъ, кого обречь
Она проклятью не страшится.

Но гдѣ тотъ вѣка проводникъ,
Что скупъ на рѣчи—щедръ на дѣло,
Что заглушивъ страстей языкъ—
Идя на подвигъ честно, смѣло,
Благой примѣръ являютъ привыкъ
Толпѣ, въ неправдѣ закоснѣлой!

Гдѣ онъ? Насъ къ безднѣ привела
Стезя безвѣрья и порока;
Рабамъ позорной лжи и зла
Пошли, пошли Господь пророка,
Чтобъ рѣчь его намъ сердце жгла,
И содрогнулись мы глубоко....

5. ВЕСНА.

Und Freund und Wonne
Aus jeder Brust!
O Erd, o Sonne!
O Glück, o Lust!

Гѣне.

Въ старый садъ выхожу я, росинки
Какъ алмазы на листьяхъ горятъ:
И цвѣты мнѣ головкой киваютъ,
Разливая кругомъ ароматъ.

Всѣ влечетъ, веселить мои взоры:
Золотая пчела на цвѣткѣ,
Разноцвѣтныя бабочки крылья,
И прыжки воробья на пескѣ.

Какъ ярка эта зелень деревьевъ,
Куполь неба такъ чистъ и глубокъ!
И брожу я восторгомъ объятый,
И слеза застилаетъ зрачокъ.

За оградой садовой чернѣтъ
Полоса взбороненной земли,
И покрытыя соснами горы
Подымаются къ небу вдали.

Какъ любовью и радостью дышетъ
Вся природа подъ вешнимъ лучомъ,
И душа благодарная чуетъ
Здѣсь присутствіе Бога во всемъ!

Снова крѣпнуть дремавія силы;
Новой жизни приходитъ пора,
И становится все такъ возможнымъ,
Что мечтою казалось вчера!

Здѣсь при взглядѣ на праздникъ созданья
Затихаетъ вражда и печаль...
И того кто не любитъ, не вѣритъ,
Непритворно становится жаль.

Поневолю дивишься, что люди
Часто злобы другъ къ другу полны,
Иль не всѣмъ одинаково свѣтитъ
Это теплое солнце весны?

Какъ прекрасна весна! Милліоны
Ей на встрѣчу звучать голосовъ,
И въ моемъ воскресающемъ сердцѣ
Ей привѣтъ вдохновенный готовъ!

6. ПОСЛѢ ЧТЕНІЯ ГАЗЕТЪ.

Мнѣ тяжело читать кровавыя страницы,
Что намъ о племенныхъ раздорахъ говорятъ,
Какъ тяжело смотрѣть на сумрачныя лица
Семьи, гдѣ издавна господствуетъ разладъ.

Отчизну я люблю глубоко, и желаю
Всей полнотою души цвѣсти и крѣпнуть ей,
Но къ племенамъ чужимъ вражды я не питаю,
Ей мѣста нѣтъ въ душѣ незлобивой моей.

Разсказъ о подвигахъ на полѣ грозной битвы
Восторгомъ пламеннымъ мнѣ не волнуетъ кровь;
И къ небесамъ я шлю горячія молитвы,
Чтобъ низошла въ сердца озлобленныхъ любовь.

Чтобъ миновали дни тревогъ, ожесточенья,
Чтобъ позабывъ вражду и ненависть свою,
Покорные Христа высокому ученью,
Всѣ племена слились въ единую семью!

7. ВЫЛОЕ.

Ночи блѣдное свѣтило
Кроткимъ свѣтомъ озарило
Комнатку мою.

Снова слышу за стѣною,
Надъ малюткою больною,
Баюшки баю.

Голосокъ такъ чистъ и звонокъ,
Что подъ звукъ его ребенокъ
Затихаетъ вдругъ.

Спой еще, тебѣ внимая,
И моя душа больная
Отдохнетъ отъ мукъ.

Помню я иное время
Легче жизни было бремя,
Веселѣй жилось!

Шли такъ быстро эти годы,
Годы счастья и свободы,
Годы свѣтлыхъ грезъ!

Сколько вызвано мечтою
Лицъ знакомыхъ предо мною
И знакомыхъ мѣстъ.

Помню лѣсъ...деревьевъ шопоть,
И волны стемнѣвшей ропоть,
И мерцанье звѣздъ,

Садъ запущенный и мрачный,
Надъ водой пруда прозрачной
Деревенскій домъ.

Рѣчи нѣжныя и ласки,
Въ уголкѣ уютномъ сказки
Зимнимъ вечеркомъ...

Сердце вѣрило, любило;
Все ему такъ было мило,
Что теперь смѣшно.

Но все тихо за стѣною...
Надъ малюткою больною
Голосъ смолкъ давно....

Ахъ, зачѣмъ былые годы,
Годы счастья и свободы,
Я припомнилъ васъ.

На душѣ тоска сильнѣе.
И до утра видно съ нею
 Не сомкну я глазъ!

8. ВЪ СТЕПИ.

Такъ скоро можетъ быть покинуть долженъ я,
О степь унылая—просторъ твой необъятный,
Но вмѣсто радости, зачѣмъ душа моя
Полна какою-то тоскою непонятной?

Жалѣюль я чего? Или въ краю иномъ,
Грядущее сулитъ мнѣ мало утѣшенья?
И побреду я вновь знакомымъ мнѣ путемъ,
Путемъ заботъ, печалей и лишенья.

Какъ часто у судьбы я допросить хотѣлъ
Какую пристань мнѣ она готовить...
Зачѣмъ неравный бой достался мнѣ въ удѣлъ,
Зачѣмъ она моимъ надеждамъ прекословить?

Отвѣта не было. Напрасно я искалъ
Куда-бъ усталою приникнуть головою...
Не видно пристани и счастья идеаль —
Ужъ я давно зову ребяческой мечтою!

Но пусть безъ радостей мои проходятъ дни...
Когда-бъ осталось мнѣ отрадное сознанье,
Что къ благу ближняго направлены они,
Я-бъ заглушилъ въ себѣ безумное роптанье;

Но нѣтъ, еще ничьихъ не утиралъ я слезъ,
И сердца голосу былъ часто непослушенъ,
Я утѣшенія несчастнымъ не принесъ,
И слабъ я былъ, и гордъ, и малодушенъ.

И жаль мнѣ, что я жизнь покину безъ слѣда,
Какъ покидаю край печальнаго изгнанья,
Что ни единый другъ отъ сердца никогда
Не сжалъ руки моей въ минуту разставанья.

9. ЗИМНЕЕ КАТАНЬЕ.

Зимней ночью при лунѣ,
Я душѣ твоей раскрою
Все: что ясно будетъ мнѣ.

Фетъ.

Посмотри, на небѣ звѣзды,
Снѣгъ блистаетъ серебромъ,
Ѣдемъ, другъ мой... ночью зимней
Мчатся весело вдвоемъ.

Полетитъ какъ птица тройка,
Колокольчикъ зазвенитъ —
И раскинется предъ нами
Безконечной степи видъ.

Все, что сердце днемъ тревожитъ
И заботъ докучныхъ рой,
И судьбы насмѣшки злыя,
Все забудемъ мы съ тобой.

И пускай перенесемся,
Обаянія полны,
Въ міръ волшебныхъ пестрыхъ сказокъ
Нашей доброй старины.

Будемъ думать, что въ хрустальный
Ты дворець заключена,
Что тебя я похищаю
Отъ сѣдаго колдуна....

Что мечемъ моимъ булатнымъ
Сторожъ твой— косматый звѣрь,
Пораженъ, и мы съ тобою
Птицы вольныя теперь.

Право, этотъ міръ чудесный
Лучше нашего сто кратъ;
Лучше козни чародѣевъ,
Чѣмъ житейскій нашъ разладъ.

Ѣдемъ! ждуть за воротами
Сани крытыя ковромъ;
Въ небѣ мѣсяць, въ небѣ звѣзды—
Снѣгъ блистаетъ серебромъ!

10.

Онъ шель безропотно,—тернистою дорогой,
Онъ встрѣтилъ радостно и гибель и позоръ;
Уста, вѣщавшія ученье правды строгой,
Не изрекли толгѣ глумящейся укоръ.

Онъ шель безропотно,—и на крестѣ распятый,
Народамъ завѣщаль и братство и любовь,
За этотъ грѣшный міръ, порока тьмой объятый
За ближняго лилась Его святая кровь.

О дѣти слабые—скептическаго вѣка,
Иль вамъ не говорить могучій образъ тотъ
О назначеніи великомъ человѣка —
И волю спящую на подвигъ не зоветь?

О нѣтъ! не вѣрю я! Не вовсе заглушили
Въ насъ голосъ истины корысть и суета,
Еще настанетъ день... Вдохнетъ и жизнь и силу
Въ нашъ обветшалый міръ ученіе Христа!

11.

Ты хочешь пѣсенъ, не пою
Веселыхъ пѣсенъ я давно;
А душу ясную твою
Встревожить было бы грѣшно.

О нѣтъ, пусть ни единый звукъ
Не обнаружитъ предъ тобой,
Ни затаенныхъ въ сердцѣ мукъ,
Ни думъ навѣянныхъ борьбой.

Пусть не узнаешь дольше ты —
Какъ безпощадно губить свѣтъ
Всѣ наши лучшія мечты,
Святыя грѣзы юныхъ лѣтъ!

Когда-жъ пора твоя придетъ
И съ жизнью выйдешь ты на бой,
Когда въ тебѣ житейскій гнѣтъ
Оставить слѣдъ глубокой свой.

И будешь, горе затая,
Ты тщетно ждать участія словъ —
Тогда зови... и пѣснь моя
На грустный твой отвѣтитъ зовъ.

12. СЕРДЦУ.

Скажи мнѣ, долголь заблуждаться
Тебѣ, о сердце! суждено,
Пора бы съ грёзами разстаться...
Мы старики съ тобой давно.

А ты, на зло годамъ и року,
Тревожнѣй бьешься и сильнѣй
(Хоть мало видимъ въ этомъ проку),
Чѣмъ билось въ дни весны своей.

Когда среди волненій свѣта.
Въ толпѣ шумящей и пустой,
Слова любимаго поэта
Произнесутъ передъ тобой;

Или науки голосъ строгой,
О правдѣ вѣчной говоритъ;
Какую ты забьешь тревогу,
Какой огонь въ тебѣ горитъ!

Красой стыдливою блистая,
Мелькнутъ ли женскія черты—
Въ восторгѣ чистомъ замирая,
На встрѣчу имъ какъ рвешься ты.

О перестань! понять бы можно
Давнымъ-давно въ твои лѣта,
Что бредъ поэзія ничтожный,
Что правда вѣчная — мечта!

Что какъ-то странно поклоненье
Въ нашъ вѣкъ полезный красотѣ, —
Что ужъ теперь должны стремленья
У человѣка быть не тѣ....

Сознай, что правда тамъ гдѣ сила,
Гдѣ достиженье благъ земныхъ,
И все забывъ, что ты любила,
Живи и бейся лишь для нихъ!

13. ЦВѢТОКЪ.

Надъ пустыней, въ полдень знойный,
Горделиво и спокойно
Тучка легкая плыветь.
А въ пустынѣ, жаждой мучимъ
И лучомъ палимый жгучимъ,
Къ ней цвѣтокъ моленье шлётъ:
Посмотри, въ степи унымой,
Я цвѣту больной и хилый,
И безъ силъ и безъ красы.
Мнѣ цвѣсти—такъ безотрадно....
Нѣтъ ни тѣни здѣсь прохладной,
Ни свѣжительной росы,
Я горю, томлюсь отъ зною,
И поблекшей головою,
Я къ землѣ сухой приникъ.
Каждый день съ надеждой тайной,
Я все ждалъ, что хоть случайно
Залетишь ты къ намъ на мигъ.
Вотъ пришла ты... и взываю
Я съ мольбой къ тебѣ и знаю,
Что къ мольбѣ склонишься ты;

Что прольется дождь обильный,
И покровъ стряхнувши пыльный,
Оживуть мои листы,
И подь влагой неба чистой, —
И роскошный и душистый
Заблится мой нарядъ.
И потомъ въ степи суровой,
Долго, долго къ жизни новой,
Буду помнить я возвратъ...
Но горда, неумолима,
Пронеслася тучка мимо,
Надъ поникнувшимъ цвѣткомъ.
Далеко, надъ сжатой нивой,
Безполезно, прихотливо
Пролилась она дождемъ,
А въ пустынь жаждой мучимъ
И лучомъ палимый жгучимъ,
Увядалъ цвѣтокъ больной...
И все ждалъ онъ, увядая: —
Тучка вотъ придетъ другая...
Но ужъ не было другой.

14. ДВѢ ПѢСНИ.

1.

Тихо все, глядится мѣсяцъ
Въ воды зыбкія рѣки;
За рѣкою слышны пѣсни
И мелькають огоньки.

Отчего такъ сердцу больно?
Дней ли прошлыхъ стало жаль?
Иль грядущаго пугаетъ
Неразгаданная даль?

Отчего въ груди томленье?
И туманить взоръ слеза?
Или снова надо мною
Собирается гроза?

Вотъ сокрылся мѣсяцъ въ тучи;
Огоньковъ ужъ не видать
Стихли пѣсни.. Скороль, сердце,
Перестанешь ты страдать.

2.

Снова я, раздумья полный,
Въ книгу прошлаго гляжу,
Но страницъ, отрадныхъ сердцу,
Въ ней немного нахожу.

Тамъ напрасныя стремленья—
Здѣсь напрасная любовь,
И сильнѣе годъ отъ году
Холодѣетъ въ сердцѣ кровь.

А порой и мнѣ казалось,
Счастье было найдено;
То же горе—только счастьемъ
Притворялося оно!

Съ каждымъ днемъ дорога жизни
Все становится скучнѣй,
И послушный волѣ рока
Вяло я бреду по ней.

Безъ надежды, безъ желанья—
Какъ волна катится вдаль...
Впереди не вижу цѣли
И былого мнѣ не жаль!

15. СЪ ПОЛЬСКАГО.

1. Два Слова.

Надъ кладбищемъ, надъ могильными плитами
Солнышко весною всходитъ каждый годъ,
Каждый годъ пестрѣетъ мягкій лугъ цвѣтами,
Птичка Божія такъ весело поетъ.

Голосъ Бога съ каждою весною
Говоритъ природѣ: радуйся, живи;
Громы въ небесахъ глубоко я скрою,
Пей любовь и знай, источникъ я любви.

Надъ кладбищемъ, надъ могильными плитами,
Въ тучи солнышко заходитъ каждый годъ,
И съ поблекшими отъ холода цвѣтами
Разставаясь, птичка жалобно поетъ...

Слышитъ голосъ Бога, каждый годъ природа—
Плачь и сокрушайся... Смерть есть твой законъ,
И гремитъ гроза, и воетъ непогода,
Въ міръ тлѣнье все— а вѣчность только Онъ.

2. *Сельская пѣсня.*

Травка зеленѣетъ,
Солнышко блеститъ,
Ласточка съ весною
Въ сѣни къ намъ летитъ ,

Съ нею солнце дольше
И весна милѣй...

Прощебечь съ дороги
Намъ привѣтъ скорѣй.

Дамъ тебѣ я зеренъ,
А ты пѣсню спой,
Что изъ странъ далекихъ
Принесла съ собой...

Что ты все кружишься?
Что твой черный глазъ
Ищетъ все кого-то?
Нѣтъ *ее* у насъ!

За солдата вышла,
Бросила напѣ домъ;
Съ матерью прощалась —
Вопъ за тѣмъ крестомъ.

Тамъ гдѣ кустъ, мнѣ съ плачемъ
Ноги обняла;
И чуть не вернулась,
Какъ до горь дошла.

Если къ нимъ летишь ты,
Разскажи потомъ,
Можетъ терпятъ нужду
Въ городѣ чужомъ?

Часто-ль вспоминаютъ
Обо мнѣ у: нихъ?
Что ихъ дочь малютка?
Что сыночекъ ихъ?

3. Птичка.

Птичка Божія проснулася съ зарею,
А ужъ пахаря застала за сохою.
Полетить она къ лазурнымъ небесамъ,
И что видитъ въ селахъ, все расскажетъ тамъ.
Скажетъ птичка Богу, что бѣднякъ страдаетъ,
Что кровавымъ потомъ ниву орошаетъ.
Не мила какъ птичкѣ пахарю весна,
Радостей немного подарить она...
Встрѣтилъ бы онъ солнце пѣсенкой веселой,
Да молчать заставить гнетъ нужды тяжелой.
На сердца заботы какъ свинецъ лежать,
Поневоѣ пѣсня не пойдетъ на ладъ.
Гдѣ тутъ любоваться вѣгой лунной ночи, —
Застилаютъ слезы труженику очи...
Скажетъ птичка Богу — чтобъ Его рука
Поддержала въ горькой долѣ бѣдняка.
Чтобъ ему нести свой крестъ достало силы,
Чтобъ безъ ропота добрелъ онъ до могилы.

4. *Еще сельская шельня.*

Если воловъ я не такъ запрягаю,
Нѣту во мнѣ для хозяйства пути,
Если въ избѣ я тебѣ докучаю,
Въ школу, родная, меня отпусти.

Грамотный буду; крестьянскаго сына
Въ школѣ научать, я знаю, всему.
Сдѣлають тамъ изъ него господина,
Платье суконное справятъ ему.

Къ вамъ принесу я разсказовъ не мало,
Въ книжкѣ прочту какъ все въ мѣрѣ идетъ,
Все что въ старинные годы бывало,
Даже и то, что случится впередъ...

Каждую травку назвать я съумѣю,
Буду въ косцѣлѣ ксензу помогать;
И на стѣнѣ—надъ постелью твоею
Лики угодниковъ углемъ писать...

16.

Много злыхъ и глупыхъ шутокъ,
Жизнь, играла ты со мной,
И стою на перепутьи
Я съ поникшей головой.

Сердца лучшіе порывы
И любимыя мечты,
Осмѣяла беспощадно,
Въ пухъ и прахъ разбила ты.

Подстрекнула ты лукаво
На неравный бой меня,
И въ бою томъ я потратилъ
Много страсти и огня.

Только людямъ на потѣху
Скоро выбился изъ силъ;
И осталось мнѣ сознанье,
Что я немощень и хилъ.

Чтожъ! пойду дорогой торной,
Думалъ я, толпѣ во слѣдъ,
Скромень, тихъ, благонамѣренъ,
Бросивъ юношескій бредъ:

Что за гладкая дорога!
Камни здѣсь не рѣжутъ ногъ.
Еслибъ шелъ по ней я прежде,
Я бы такъ не изнемогъ.

Да и цѣль гораздо ближе;
Пристань мирная въ виду...
Сколько тамъ я наслажденій
Неизвѣданныхъ найду.

Но увы! пришлось недолго
Къ этой цѣли мнѣ идти,
И опять я очутился
На проселочномъ пути.

А виной все эти грезы;
Эти сны поры былой...
Безотвязные, со мною
Шли они рука съ рукой.

И манили все куда-то,
И шептали что-то мнѣ;
Милыхъ образовъ такъ много
Показали въ сторонѣ.

Имъ на встрѣчу устремился
Я исполненъ новыхъ силъ;
Шолъ по терніямъ колючимъ,
Въ бездны мрачныя сходилъ.

И ужъ думалъ—подхожу я
Къ милымъ призракамъ моимъ,
Но напрасно утомленный
Простиралъ я руки къ нимъ.

Отдалялись, улетали
Дорогіе отъ меня...
И внезапно, на распутьи,
Ночью былъ застигнуть я.

Долголь ночь моя продлится
И что ждетъ меня за ней,
Я не знаю, знаю только,
Что тоска въ душѣ моей.

Но не торная дорога,
Рано брошенная мной,
Пробуждаетъ сожалѣнье
Въ этотъ мигъ, въ душѣ больной.

Жаль мнѣ призраковъ любимыхъ,
Жаль роскошныхъ, яркихъ грезъ,
Что такъ рано день, сокрывшись,
На лучахъ своихъ унесъ!

17.

Дѣти вѣка все больные,
Мнѣ повсюду говорятъ,
Ходятъ блѣдные, худые,
Съ жизнью все у нихъ разладъ.

Нѣтъ! напрасно стариками
Оклеветанъ бѣдный вѣкъ;
Посмотрите, передъ вами
Современный человѣкъ.

Щеки словно какъ съ морозу
Такъ румянцемъ и горять,
Какъ прилична эта поза,
Какъ спокоенъ этотъ взглядъ.

Вы порывовъ увлеченья
Не замѣтите за нимъ;
Но какъ полонъ уваженья,
Онъ къ достоинствамъ своимъ.

Всѣ вопросы разрѣшаетъ
Онъ легко, безъ дальнихъ думъ;
Не тревожить, не смущаетъ
Никогда сомнѣнье умъ.

И насмѣшкой острой, милой
Какъ умѣетъ онъ кольнуть
Недовольныхъ, что уныло
На житейскій смотрять путь.

Предразсудки ненавидятъ,
Все твердятъ про идеаль,
И лишь зло и гибель видятъ
Въ томъ, что благомъ міръ призналъ.

Свѣтъ пріятнымъ разговоромъ
И умою его плѣнень;
Восклицають дамы хоромъ:
Какъ онъ милъ! какъ онъ уменъ!

Нѣтъ! напрасно старость взводитъ
Клевету на бѣдный вѣкъ;
Жизнь, блаженствуя, проводитъ
Современный человѣкъ!

18.

Когда твой кроткій, ясный взоръ
Ты остановишь вдругъ на мнѣ,
Иль задушевный разговоръ
Съ тобой веду я въ тишинѣ;

Когда подашь мнѣ руку ты,
Прощаясь ласково со мной,
И дышать женскія черты
Неизъяснимой добротой.

О вѣры! не зависть, не вражда
Къ тому, съ кѣмъ ты на путь земной
Соединила жребій свой,
Грудь наполняетъ мнѣ тогда.

Я лишь молю, чтобъ надъ тобой
Была Господня благодать,
Чтобъ свѣтъ тщеславный и пустой
Тебя не могъ пересоздать.

Чтобы сердце свято сберегло
Свои завѣтныя мечты;
Чтобы спокойно и свѣтло
На Божій міръ глядѣла ты...

Чтобъ клеветы и злобы ядъ
Не отравилъ весны твоей;
Чтобъ ты не вѣдала утратъ
И помраченныхъ скорбью дней.

Еще молю я, чтобы насъ
Не разлучалъ враждебный рокъ,
Чтобъ кроткимъ свѣтомъ этихъ глазъ
Я дольше любоваться могъ.

19.

Когда мнѣ встрѣтится истерзанный борьбою,
Подъ гнетомъ опыта поникшіи чловѣкъ,
И рѣчью горькой онъ, насмѣшливой и злою,
Позору предаетъ во лжи погрязшіи вѣкъ.

И вѣра въ родъ людской въ груди его угасла,
И духъ, что нѣкогда былъ полонъ мощныхъ силъ,
Подобно ночнику потухшему безъ масла,
Безъ вѣры и любви сталъ немощенъ и хилъ.

И правды лучъ, сверкающій за далью
Грядущихъ дней, очамъ его незримъ;
Какъ больно мнѣ! глубокою печалью
При встрѣчѣ той бываю я томимъ.

И говорю тогда: явись, явись къ намъ снова,
Господь! въ нашъ бѣдный міръ, гдѣ горе и
разладъ.

Да прозвучитъ еще Божественное слово,
И къ жизни воззоветъ твоихъ отпадшихъ чадъ!

Когда же друга моего
Толкнула въ глушь, судьба,
Онъ думалъ — закалить его
Съ невѣжествомъ борьба.

Всѣхъ лихоимцевъ, подлецовъ
Мечталъ онъ быть грозой;
И за права сиротъ и вдовъ
Клялся стоять горой.

Но, ахъ! грядущее отъ насъ
Густой скрываетъ мракъ;
Не думалъ онъ, что близокъ часъ
Вступить въ законный бракъ.

Хоть предавалъ проклятью онъ
Пустой, бездушный свѣтъ;
Но былъ въ губерніи плѣненъ
Дѣвицей въ тридцать лѣтъ.

Она была иныхъ идей...
Ей не былъ Зандъ знакомъ,
Но дали триста душъ за ней.
И трехъэтажный домъ.

20. МОЙ ЗНАКОМЫЙ.

Онъ бѣденъ былъ. (Его отецъ
Въ гусарахъ вѣкъ служилъ
Любилъ танцовщицъ и въ конецъ
Имѣнье раззорилъ.)

И ярый былъ онъ либераль;
Всѣ слабости людей
Онъ энергически каралъ,
Хоть не писалъ статей.

Не могъ терпѣть онъ спину гнуть,
Любилъ онъ бѣдный классъ,
Любилъ помѣщиковъ кольнуть
Сатирой злой подъ часъ.

И Жоржемъ Зандомъ и Леру
Былъ страстно увлеченъ,
Мужей онъ поучалъ добру,
Развить старался женъ.

Женился онъ, ему приплась
По сердцу жизнь самъ-другъ...
Жена ввела его тотчасъ
Въ губернской высшій кругъ.

И сталъ обѣды онъ давать;
И почиталъ за честь,
Когда къ нему съѣзжалась знать,
Чтобъ хорошо поѣсть.

И если въ домъ къ нему порой
Являлся генералъ,
Его, отъ счастья самъ не свой,
Онъ на крыльцѣ встрѣчалъ.

Жена крутой имѣла нравъ;
А домъ и 300 душъ
Давали ей такъ много правъ...
И покорился мужъ.

Хоть иногда еще каралъ
Онъ зло въ кругу друзей,
Но снисходительнѣй взиравъ
На слабости людей.

Хоть не утратилъ онъ вполнѣ
Могучій слова даръ,
Но какъ то стынулъ при женѣ
Его душевный жаръ.

Бывало, только заведетъ
О крѣпостныхъ онъ споръ
Глядишь, и зажимаетъ ротъ
Ему супруги взоръ.

И встрѣтилъ я его потомъ
Въ губерніи другой;
Онъ былъ съ порядочнымъ брюшкомъ
И чинъ имѣлъ большой.

Предъ нимъ чиновный весь народъ
И трепеталъ и млѣлъ;
И ужъ не 300 душъ, — пятьсотъ
Онъ собственныхъ имѣлъ.

О добродѣтели судилъ
Онъ за колодой картъ...
Когда же юноша входилъ
Порой предъ нимъ въ азартъ,

Онъ непокорность порицалъ
Какъ истый бюрократъ...
И на виновнаго бросалъ
Молніеносный взглядъ...

21.

Послѣ грома, послѣ бури,
Послѣ тяжкихъ, мрачныхъ дней,
Прояснился сводъ лазури,
Стало сердцу веселѣй.

Но надолголь... вотъ надъ моремъ,
Тучи новыя бѣгутъ —
Солнце съ тучей, радость съ горемъ
Неразлучно, знать, живутъ?

22.

Ты мнѣ мила, пора заката!
Какой то кроткой тишиной
Въ тотъ мигъ душа моя объята.
Какъ изцѣлившійся больной,
Что къ жизни ждать не могъ возврата,
Любви, спокоенъ и счастливъ,
Я къ сердцу чувствую приливъ.

Земныя битвы, скорбь земную
Все бремя будничныхъ заботъ
Я забываю, въ грудь больную
Отраду вечеръ ясный льеть;
И я молю, чтобъ жизнь такую,
Какъ этотъ часъ—Господь послалъ
Тому, кто въ битвѣ духомъ палъ.

23.

О еслибъ знали вы, друзья моей весны,
Прекрасныхъ грёзъ моихъ, порывовъ благород-
ныхъ,
Какой мучительной тоской отравлены
Проходятъ дни мои въ волненіяхъ бесплодныхъ!

Бывое предо мной какъ призракъ возстаетъ,
И тайный голось мнѣ твердитъ укоръ прав-
дивый,
Чего убить не могъ суровый жизни гнѣтъ,
Зарылъ я въ землю самъ! зарылъ какъ рабъ
лѣнивый.

Душѣ была дана любовь отъ Бога въ даръ,
И отличать дано добро отъ зла умѣнье,
На что же тратилъ я священный сердца жаръ,
Упорно-ль къ цѣли шелъ во имя убѣжденья,

Я заключалъ не разъ со зломъ постыдный миръ
Я пренебрегъ труда спасительной дорогой,
Не простиралъ руки тому, кто нагъ и сиръ,
И оставался глухъ къ призывамъ правды строгой.

О больно, больно мнѣ.. Скорбитъ душа моя,
Казнить меня палачъ неумолимый—совѣсть,
И въ книгѣ прошлаго съ стыдомъ читаю я,
Погибшей безъ слѣда, безплодной жизни повѣсть.

24.

Что за дѣтская головка,
Что за тонкія черты!
И въ улыбкѣ, и въ движеньяхъ
Сколько дѣтской простоты.

Лишь во взглядѣ полномъ думы,
Я читаю иногда,
Что исчезли безвозвратно
Дѣтской рѣзвости года.

То огнемъ, то нѣгой дышать
Эти каріе глаза;
Знать, для сердца наступаетъ
Страсти первая гроза....

И боюсь я, и невольно
Грудь сжимается тоской;
Не степной былинкѣ слабой,
Съ ураганомъ вынести бой!

25. СТРАННИКЪ.

Томить меня мой странническій путь,
Хотѣлось бы подѣ вечеръ на покой,
Хотѣлось бы на дружескую грудь
Усталую приникнуть головой.

Была пора, и въ сердцѣ молодомъ
Кипѣла страсть, незнавшая преградъ;
На каждый бой съ безтрепетнымъ челомъ
Я гордо шелъ, весеннимъ грозамъ радъ.

Была пора, огонь горѣлъ въ крови;
И думалъ я, что пѣснь моя сильна,
Что правды лучъ, что лучъ святой любви
Зажжетъ въ сердцахъ озлобленныхъ она.

Гдѣжъ силы тѣ, отвага прежнихъ лѣтъ,
Сгубила все неравная борьба —
И пустота — безплодной жизни слѣдъ —
Ждетъ неизбѣжная, какъ древняя судьба.

Пора домой! Не опоздать бы мнѣ;
Не заперты-ль ворота на запоръ,
И огонекъ мерцаетъ ли въ окнѣ,
Маня къ себѣ усталый, грустный взоръ?

Отворять-ли съ улыбкою мнѣ дверь?
Услышу-ли я ласковый привѣтъ?
Не сдинокъ, не странникъ ты теперь—
Ты отдохнешь любовію согрѣтъ...

26. ИЗЪ РЮКЕРТА.

Тѣни горъ высокихъ
На воду легли:
Потянулись чайки
Бѣлыя вдали.

Тихо все ... томленьемъ
Дышетъ грудь моя...
Какъ теперь бы крѣико
Обнялъ друга я!

Весело выходить
Странникъ утромъ въ путь;
Но подъ вечеръ дома
Радъ бы отдохнуть.

27. ЛИСТОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Elle était de ce monde où les
plus belles choses
Ont le pire destin,
Et rose, elle vécut ce que vivent
les roses:
L'espace d'un matin.

Средь жизни будничной, ея тревогъ докучныхъ,
Незримыхъ, тайныхъ битвъ, съ той жизнью
неразлучныхъ,

Воспоминаніе лелѣю я одно,
И сладко такъ душѣ и горестно оно.

* * *

(Я помню, въ дальній край гнала меня неволя,
Судьбы игрушкой быть куда плохая доля!)
Такъ мудреноль, что злость мнѣ волновала грудь
И что казался мнѣ невыносимъ мой путь?
Хоть городъ тотъ, что мнѣ покинуть предстояло,
Для сердца моего и не былъ милъ ни мало,
Но привыкаетъ скоро русскій человекъ,
Гдѣ мѣсяцъ проживетъ, какъ будто прожилъ вѣкъ.

Притомъ-же иногда межъ чопорныхъ педантовъ,
Межъ сплетницъ набожныхъ, самодовольныхъ
Франтовъ,
Заброшено судьбой, какъ перлъ въ пескъ
морскомъ,
Найдется существо и съ чувствомъ и съ умомъ.
Согрѣеть васъ его привѣтливое слово,
И вы на остальныхъ махнуть рукой готовы.
Такъ было и со мной: я помню ясный взоръ,
Улыбку добрую, веселый разговоръ,
Что отъ меня вражду, сомнѣнье и печали
Какъ духовъ, утра свѣтъ, внезапно отгоняли.
Съ *кудрявымъ мальчикомъ*, съ *наряднымъ мо-*
тылькомъ

Я не сравню её плохимъ своимъ стихомъ;
Но жаль мнѣ, что она не встрѣтила поэта,
Не подарилъ бы онъ другой сравненье это.
Красавицей она назваться не могла, —
Но дѣтской рѣзвостью, но ястностью чела
Она влекла къ себѣ съ неодолимой силой,
И тотъ, кого она привѣтомъ вскользь дарила,
Хотя бъ подъ бурями житейскими поникъ,
Душою воскресалъ и веселъ былъ на мигъ.
Любуясь милсю головкою бывало,
Я радъ былъ, что судьба ее такъ баловала,
Что жаль её судьбѣ; что отъ тревогъ и зла
Она падить её; печаль бы къ ней не шла...

Итакъ, я уѣзжалъ. На долгую разлуку,
Еще пришолъ я разъ пожать ей братски руку,
Хотѣлъ ей высказать, что тамъ, въ глуши степей,
Съ любовью буду я вспоминать о ней;
Что днями свѣтлыми я ей одной обязанъ,
Что къ ней остануся душой на вѣкъ привязанъ,
И много кой-чего сказать еще хотѣлъ;
Но словъ не находилъ и какъ нѣмой сидѣлъ.

И лучше, можетъ быть! мой вздоръ сантимен-
тальный
Могъ разсмѣшить её пожалуй въ часъ прощаль-
ный!

—Мы съ вами свидимся, я знаю, черезъ годъ—
Васъ участь лучшзя въ краю далекомъ ждетъ,
Она сказала мнѣ съ своей улыбкой ясной.
Какъ солнечнымъ лучемъ въ осенній день нена-
стный

Я радъ улыбкѣ былъ; словамъ повѣрилъ я;
И дальный путь ужъ былъ не страшенъ для меня.
Прощаясь я просилъ ее, чтобъ серенаду
Она сыграла мнѣ,— я въ Шубертъ отраду
Неизъяснимую для сердца нахожу...
Вотъ къ клавишамъ она подходитъ; я гляжу
На свѣтлое чело—на маленькія руки...
И въ душу полились мечтательные звуки..

Два года протекло, какъ прежде много лѣтъ,
Еще въ душѣ моей оставивъ горькій слѣдъ.
Все также ратовалъ я съ донъ-кихотскимъ
жаромъ

За призраки свои и чувства тратилъ даромъ.
И возвратился вновь я въ скучный городъ свой,
И встрѣтился съ давно знакомою толпой.
Все тѣхъ же увидалъ я чопорныхъ педантовъ,
Нелѣпныхъ остряковъ, честолюбивыхъ франтовъ,
Прибавилось еще немного новыхъ лицъ:
Предъ золотымъ тельцомъ лежать какъ прежде
нищъ,

Все тѣ же ссоры, сплетни и интриги;
Въ почетѣ карты все, и все въ опалѣ книги!
Но не нашелъ я той, къ кому въ былые дни
Я смѣло несъ и грусть и радости свои...
И часто такъ, къ кому душа моя больная
Рвалась, подъ жизненнымъ ярмомъ изнемогая!...
И вѣсть услышалъ я: её ужъ больше нѣтъ!
Суровымъ косаремъ сраженъ прекрасный цвѣтъ,
Суровымъ косаремъ, что безъ разбоу косить,
И тѣхъ кто жизнь клянетъ, и тѣхъ кто жизни
просить.

Какъ больно было мнѣ... Но если свѣтъ о ней
При мнѣ судилъ, — еще мнѣ дѣлалось больнѣй!
Ему не жаль казалось вовсе, что могила
И юность и красу навѣки поглотила...

Клеветниковъ, завистниковъ бездушныхъ толкъ
И у дверей могилы даже не замолкъ.

Я снова посѣтилъ давно знакомый домъ;
Теперь семья другая поселилась въ немъ.
Вотъ уголокъ уютный, гдѣ она бывало
Вокругъ себя друзей немногихъ собирала.
Отрадныхъ много я припомнилъ вечеровъ;
Войдя въ ту комнату, я плакать былъ готовъ!
Какъ оживить она домашній кругъ умѣла...
Какъ быстро время съ ней, какъ весело летѣло:
Невольно лица прояснились у всѣхъ,
Когда звучалъ ея безпечный, дѣтскій смѣхъ.
Теперь не то я встрѣтилъ; чопорно и чинно
Здѣсь разговоръ вели, и въ ералашъ въ гостиной
Съ тремя почтенными старушками игралъ
Отъ старости едва ходившій генералъ.
Изящно въ комнатахъ—роскошно даже было...
Но все тоску и грусть на сердце наводило...
Но вотъ хозяйка сѣла за рояль... Она,
Всѣ говорятъ, артисткой быть великой рождена.
Вотъ Шуберта опять я слышу серенаду...
И точно... болѣе казалось бы не надо
Искусства и желать. Но отчего-же мнѣ
Досадно стало такъ? Въ душевной глубинѣ,

Какъ будто злоба вдругъ къ игравшей шевель-
нулась
За то, что струнъ души больныхъ она коснулась!
Казалось мнѣ, звучить въ игрѣ той мастерской
Насмѣшка надъ моею завѣтною мечтой!

Оставилъ вечеръ я... Но все мотивъ знакомый
Преслѣдовалъ меня на улицѣ и дома ..
Все образъ предо мной любимый возникалъ
И до разсвѣта—глазъ въ ту ночь я не смыкалъ.

1856.

28.

Есть дни, ни злора ни любовь,
Ни жажда дѣлъ, ни къ истинѣ стремленье,
Ничто мнѣ не волнуетъ кровь,
И сердце спитъ, и умъ въ оцѣпенѣнны

Я остаюсь къ призывамъ жизни глухъ,
Такъ холодно взираю, такъ безстрастно,
На все, что нѣкогда мой духъ
Тревожило и мучило всечасно.

И ласка женская во мнѣ
Въ тѣ дни отвѣта даже не находитъ,
Въ бездѣйствіи, въ позорномъ снѣ
Душевныхъ силъ, за часомъ часъ проходить.

Мнѣ страшно, страшно за себя,
Боюсь, чтобъ вовсе сердце не остыло,
Чтобъ не утратилъ чувства я,
Пока въ крови огонь и въ тѣлѣ сила.

Годами я еще не старь...
О Боже! всѣхъ, кто жаждетъ искупленья,
Не дай, чтобъ пепломъ сердца жаръ
Засыпало мертвящее сомнѣнье.

29.

Не говорите, что напрасно,
Что для бесплодной лишь борьбы,
Стремлений чистыхъ и прекрасныхъ
Дано вамъ столько отъ судьбы.

Что все, чѣмъ полно сердце нынѣ
Подавить жизни тяжкій гнетъ,
Что все растратится въ пустынь,
Что дать могло бы цвѣтъ и плодъ.

Къ чему напрасныя сомнѣнья!
Идите смѣлою стопой;
Вы не изъ тѣхъ, въ комъ увлеченья
Съ лѣтами гаснетъ жаръ святой.

Пусть духъ извѣдаетъ страданье,
Въ борьбѣ пусть будетъ закаленъ;
И изъ горнила испытанья
И чистъ крѣпокъ выйдетъ онъ.

Хранитежь чистыя химеры
Души возвышенной своей,
И животворный пламень вѣры
Пусть до конца не гаснетъ въ ней!

30. ПѢВИЦА.

Нѣтъ, не забыть мнѣ васъ, плѣнительные звуки,
Какъ первыхъ, сладкихъ слезъ любви мнѣ не
забыть,
Когда внималъ я вамъ, въ груди смирились муки
И снова былъ готовъ я вѣрить и любить.
Мнѣ не забыть её... То жрицей вдохновенной,
Широколиственнымъ покрытая вѣнкомъ,
Она являлась мнѣ и пѣла гимнъ священный,
А взоръ ея горѣлъ божественнымъ огнемъ!
То блѣдный образъ въ ней я видѣлъ Дездемоны,
Когда она, склонясь надъ арфой золотой,
Объ ивѣ пѣла пѣснь и прерывали стоны
Унылый переливъ старинной пѣсни той.
Какъ глубоко она постигла, изучила
Того, кто зналъ людей и тайны ихъ сердець...
И еслибъ могъ возстать великій изъ могилы,
Онъ на чело ея надѣлъ бы свой вѣнецъ !
То вдругъ являлась въ ней Розина молодая
И страстная, какъ ночь страны ея родной;
И звукамъ голоса волшебнаго внимая, —
Въ тотъ благодатный край стремился я мечтой,

Гдѣ все чаруетъ слухъ, все восхищаетъ взоры, —
Гдѣ вѣчной синевою блистаетъ неба сводъ,
Гдѣ свищутъ соловьи на вѣтвяхъ сикоморы,
И кипариса тѣнь дрожить на глади водъ. . .
И грудь моя, полна святаго наслажденья.
Восторга чистаго, — дышала высоко...
И отлетали прочь заботы и сомнѣнья,
И было на душѣ спокойно и легко...
Какъ друга послѣ дней томительныхъ разлуки,
Готовъ я былъ весь міръ въ объятія заключить...
Нѣтъ! не забыть мнѣ васъ, плѣнительные звуки,
Какъ первыхъ сладкихъ слезъ любви мнѣ не
забыть!

31. ЗВУКИ.

Знакомые звуки, чудесные звуки!
О, сколько вамъ силы дано!
Прошедшее счастье, прошедшія муки,
И радость свиданья, и слезы разлуки...
Вамъ все воскресить суждено.

Знакомыя тѣни являются снова,
Проходятъ одна за другой....
И сердце повѣрить обману готово,
И жаждетъ и молить всей жизни былаго,
Согрѣтое страстью былой.

И все, что убито бесплодной борьбою,
Опять шевельнулось въ груди...
На доблестный подвигъ, на битву съ судьбою
Иду я отважно, и яркой звѣздою
Надежда горитъ впереди.

Въ возлюбленномъ взоръ, въ улыбкѣ участья,
Прочелъ я давно, что любимъ;
Не страшны мнѣ грозы, не страшно не-
настье;

Я знаю, — любви безконечное счастье
Меня ожидаетъ за нимъ!

Довольно, довольно!... замолкните, звуки!
Мою вы терзаете грудь...
Прошедшее счастье, прошедшія муки,
И радость свиданья, и слезы разлуки,
О, сердце! навѣки забудь!...

32. МОЙ САДИКЪ.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень;
Отъ черемухи душистой,
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь...

Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій,
Горделивыхъ георгинъ;
И лишь пестрая головки
Возвышаетъ макъ одинъ.

Да подсолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,
Сторожитъ себѣ дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садикъ скромный;
Онъ душѣ моей милѣй
Городскихъ садовъ унылыхъ,
Съ сѣтью правильныхъ алей.

И весь день въ травѣ высокой,
Лежа, слушать бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжать,

А когда на садикъ сыплеть
Блескъ лучей своихъ луна,
Я сажусь въ раздумьи тихомъ
У открытаго окна.

Посребренныхъ и дрожащихъ
Листьевъ я внимаю шумъ,
И одна другой смѣняясь
Грезы мнѣ волнуютъ умъ.

И несутъ на крыльяхъ легкихъ
Въ миръ иной меня онѣ...
Какъ сіяетъ ярко солнце
Въ той невѣдомой странѣ.

Нѣтъ вражды подъ этимъ солнцемъ,
Нашей лжи вседневной нѣтъ,
Человѣка озаряетъ
Тамъ любви и правды свѣтъ!

Все, что истины пророки
Объщаютъ намъ вдали,
Люди въ братствѣ неразрывномъ
Навсегда тамъ обрѣли...

О, какъ сладки эти грезы!
Разростайся-жь, разцвѣтай,
Ты, мой садикъ! и почаще
На меня ихъ навѣвай.

33 С. О Д...ВУ.

Уѣдешь ты на теплый югъ!
И гдѣ лазурью блещетъ море—
Покинетъ тѣло змой недугъ,
Покинетъ сердце злое горе.

Тамъ отдохнетъ въ семьѣ друзей
Душа извѣдавшая муки,
И пѣсенъ выстраданныхъ ей
Къ намъ долетятъ святыя звуки...

И все, что рокъ во дни невзгодъ
Давилъ желѣзною рукою,
Вдругъ встрепенется, оживетъ,
Какъ цвѣтъ подѣ влагой дождевою.

Господь тебя благослови
За годы долгиѣ несчастья,
И тихой радостью любви
И дружбы ласковымъ участиемъ.

И если радостные дни
Придутъ, послушные желанью,
Меня, собрата по изгнзнью,
Ты добрымъ словомъ помяни!

18 Июля 1857.

34

Ты помнишь: поникшія ивы
Качались надъ спящимъ прудомъ;
Томимы тоской, молчаливы,
Съ тобой мы сидѣли вдвоемъ.

Въ открытыя окна глядѣли
Къ намъ звѣзды съ высокихъ небесъ,
Вдали соловьиныя трели
Поля оглашали и лѣсъ.

Ты помнишь—тебѣ я сказала:
Мы много любили съ тобой;
Но свѣтлыхъ часовъ было мало
Дано намъ суровой судьбой.

Узнали мы иго неволи,
Всю тяжесть житейскихъ цѣпей,
Изныло въ насъ сердце отъ боли;
Но скрыли мы боль отъ людей.

Въ святилище нашихъ страданій
Не дали вломиться толпѣ,—
И молча, безъ слезъ и рыданій,
Мы шли по тернистой тропѣ.

Ты помнишь минуту разлуки?
О, кто изъ насъ думалъ тогда,
Что сердца забудутся муки,
Что рану излечать года,

Что страсти былия тревоги,
Всѣ бури поры прожитой,
Мы, встрѣтясь на новой дорогѣ,
Помянемъ насмѣшкою злой!

35. ПТИЧКА.

Для чего пѣвунья птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края?

Заслонили солнце тучи,
Небо все заволокли;
И тростникъ сухой и желтый
Клонить вѣтеръ до земли

Вотъ и дождикъ, посмотри-ка,
Хлынулъ словно изъ ведра,
Скучно, холодно, какъ будто
Не весенняя пора!

— Не для солнца, не для неба
Прилетѣла я сюда;
Въ камышахъ сухихъ и желтыхъ
Не совою себѣ гнѣзда.

Я совью его полъ кровлей
Горемыки-бѣдняка,
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.

Въ часъ, какъ онъ, вернувшись съ поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ грустный на солому,
Пѣсню я ему спюю.

Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей,
Никогда её не пѣла
Для счастливыхъ я людей.

Въ ней повѣдаю я много
Про иной, чудесный свѣтъ,
Гдѣ ни бѣдныхъ ни богатыхъ,
Ни нужды ни горя нѣтъ.

Эта пѣсня — примиренье
Въ грудь усталую прольеть:
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ заснетъ.

36.

Еще одинъ великій голосъ смолкъ,
Правдивый голосъ обличенья!
Но гдѣ-же слезы сожалѣнья?
Лишь дѣти лжи, поднявши буйный толкъ,
Глумятся надъ великой тѣнью.

Давноль онъ словомъ пламеннымъ каралъ
Тебя, извѣженное племя?
Давноль любви и правды сѣмя
Въ сердца людей такъ щедро онъ бросалъ?
Иль позабыто это время?

Не долго волновала васъ
Тѣхъ словъ пророческая сила:
Дымятся снова злу кадила,
И все, о чемъ вѣщаль пророка гласъ
Корысть и пошлость поглотила!

Но день придетъ и стихнетъ клевета—
И вмѣсто криковъ озлобленья
Въ тотъ день великій возрожденья
Услышитъ духъ поборника Христа
Толпы людской благословенья!

185...

37. С..... У.

Передъ тобой лежитъ широкій, новый путь.
Прими-же мой привѣтъ, не громкій, но
сердечный;
Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь
Любовью къ ближнему, любовью къ правдѣ
вѣчной.

Да не утратишь ты въ борьбѣ со зломъ
упорной
Всего, чѣмъ нынѣ такъ душа твоя полна,
И вѣры и любви свѣтильникъ животворный
Да не залетъ въ тебѣ житейская волна

Подъявъ чело, иди безтрепетной стопою;
Иди, храня въ душѣ свои чистыи идеаль,
На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою
И ободряя тѣхъ въ борьбѣ, кто духомъ палъ.

И если въ старости, въ раздумья часть пе-
чальный.
Ты скажешь: въ міръ я оставилъ добрый
слѣдъ,
И встрѣтить я могу спокойно мигъ про-
щальный...
Ты будешь счастливъ, другъ: инаго счастья
нѣтъ!

38. СЪ НѢМЕЦКАГО.

У ногъ твоихъ пѣть мнѣ такъ люблю
Завѣтныя пѣсни свои,
Въ тотъ часъ, какъ въ готическихъ окнахъ
Пылають заката лучи.

Ты тактъ мнѣ головкой киваешь,
Ты слушаешь сердцемъ меня;
Я-жь руки скрестивъ и люблюсь—
Пою: ты прекрасна дитя!

Смотрѣть мнѣ у ногъ твоихъ люблю
Въ твои голубые глаза,
И кажется мнѣ, состраданья
Порой въ нихъ сверкаеть слеза.

Но я не хочу состраданья!
Я знаю, ты любишь шутя,
И все-таки я предъ тобою
Пою: ты прекрасна дитя!

39.

Когда возвратился я въ городъ родной
И тамъ надъ отцовской могилой, —
Колѣна склонилъ и поникъ головой
О, какъ мое сердце заныло.

Мнѣ все прожитое припомнилось вдругъ,
Припомнились долгіе годы,
Что шли средь волненій бесплодныхъ и
мукъ—
Безъ счастья, любви и свободы.

И мнилось мнѣ, будто отецъ мой глядитъ
На сына съ тоской и любовью,
Скорбя, что суровымъ онъ горемъ убить,
Что сердце исходитъ въ немъ кровью.

Мнѣ слышался говоръ зеленыхъ вѣтвей:
«Усталъ ты и ищешь покою!
«Усни здѣсь! и мы надъ могилой твоей
«Раскинемся тѣнью густою...»

40.

Трудились бѣдные, вы, отдыху не зная,
Судьбѣ покорные, трудились день и ночь;
И думали: знать доля ужъ такая
Намъ Богомъ суждена—и горю не помочь!

Смочивъ поля кровавымъ скорбнымъ потомъ,
Вы знали, что не вамъ они готовятъ плодъ;
Но не роптали вы, согбенные подъ гнетомъ,
Нѣтъ! вы несли свой крестъ—какъ правед-
никъ несутъ.

И Тотъ, Кто мѣръ своею чистой кровью
Отъ рабства искупилъ, Кто какъ и вы
страдалъ,—
Кому молились вы смиренно и съ любовью,
Вамъ избавителя вѣчнаго послалъ.

И настаетъ пора святая возрожденья!
Да будетъ ясенъ для грядущаго разсвѣтъ,
Да принесетъ онъ вамъ съ прошедшимъ
примиренье
И раны вѣковой да уврачуеетъ слѣды!

41.

Въ надеждъ славы и добра,
Гляжу впередъ я безъ боязни...
Пушкинъ.

Была пора, своихъ сыновъ
Отчизна къ битвѣ призывала
Съ толпой несмѣтною враговъ,
И рать за ратью возставала,
И бодро шла за ратью рать
Геройской смертью умирать.

Но смолкъ орудій страшный гулъ;
И отстоявъ свой край родимый,
Народъ великій отдохнулъ.
Отчизна вышла невредима
Изъ той борьбы... какъ встарину—
Въ иную славную войну.

И вотъ опять она зоветъ
Своихъ сыновъ на бой упорный;
Но этотъ бой уже не тотъ...
Со зломъ и тьмой, съ неправдой черной
Она зоветъ теперь на бой
Во имя истины святой!

Не страшень намъ и новый врагъ—
И съ нимъ отчизна совладеетъ....
Смотрите! ужъ рѣдѣетъ мракъ,
Ужъ свѣтъ повсюду проникаетъ,
И содрагаясь, чуетъ зло,
Что торжество его прошло.

42.

Тобой лишь ясны дни мои,
Ты ихъ любовью озарила,
И духа дремлющая сила
На зовъ откликнулась любви!

О, еслибъ я отъ дней тревогъ,
Переходя къ надеждѣ новой,
Страницу мрачную былого
Изъ книги жизни вырвать могъ.

О, еслибъ могъ я заглушить
Укоръ, что часто шепчетъ совѣсть.
Но нѣтъ! бесплодной жизни повѣсть.
Слезами горькими не смыть

Молю Того, Кто весь любовь
Онъ приметъ скорбное моленье,
И ниспославъ мнѣ искупленье,
Къ добру меня направить вновь!

Молю, чтобъ въ сердцѣ не погасъ
Огонь вражды къ неправдѣ черной,
Чтобы къ борьбѣ со зломъ упорной
Готовъ былъ другъ твой каждый часъ.

Чтобы душа моя была
Твоей души достойна ясной,
Чтобъ сердца преданности страстной
Ты постыдиться не могла!

Октябрь 1857.

ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ ИЗЪ ГЕЙНЕ.

(С. Н. Θ).

1.

Я помню, во снѣ мнѣ явилась,
Она—боязлива, робка...
Ланиты ея были блѣдны,
И грудь изсушила тоска;

Ребенокъ шель съ нею; другаго
Держала она на рукахъ...
Смущенье и горе замѣтны
Въ движеняхъ, въ улыбкѣ, въ очахъ.

Чрезъ площадь она проходила;
И тамъ повстрѣчались мы съ ней.
И взявъ ее за руку, тихо
И ласково молвилъ я ей:

«Страданья тебя изнурили,
Послѣдуй за мною, въ мой домъ,
И стану одежду и пищу
Тебѣ добывать я трудомъ.

Дѣтей твоихъ стану лелѣять,
За ними ходить буду я,
Но больше всего за тобою,
Бѣдняжка, больное дитя!

О томъ, какъ любилъ я—ни слова
Тебѣ не хочу говорить;
А если умрешь ты—я стану
Къ тебѣ на могилу ходить!"

2.

И смѣхъ и пѣсни! и солнца блескъ!
Челнокъ нашъ легкій качаютъ волны;
Я въ немъ съ друзьями, веселья полный,
Плыву безопасно... Вдругъ слышенъ трескъ.

И разлетѣлся въ куски челнокъ—
Друзья пловцами плохими были,
Родныя волны ихъ поглотили,
Меня-жъ далеко умчалъ потокъ.

И вотъ сработалъ въ чужой странѣ
Другой челнокъ я; но бьютъ сурово
Чужія волны въ челнокъ мой новый;
Мой край далеко! какъ грустно мнѣ!

Друзья иные теперь со мной!
И снова пѣсни! Но воютъ бури
И гаснутъ звѣзды въ ночной лазури....
Прости на вѣки мой край родной!

3. ГОРНАЯ ИДИЛЛИЯ.

На горѣ въ избушкѣ бѣдной,
Рудокопъ живетъ сѣдой;
Тамъ сосна шумитъ уныло,
Сидитъ мѣсяць золотой.

Въ чистой комнаткѣ поставлень
Мягкій стулъ, съ рѣзбой края.
Кто сидитъ на немъ, тотъ счастливъ,
И счастливецъ этотъ—я!

Вотъ малютка на скамейкѣ
У моихъ садится ногъ;
Глазки—звѣзды голубыя,
Ротикъ—пурпурный цвѣтокъ.

Эти звѣзды будто съ неба
Смотрятъ мнѣ въ лицо, блестя;
Робко пальчикъ приложила
Къ губкамъ розовымъ дитя.

«Будь спокойна! задремала
Мать надъ прялкой въ тишинѣ,
А отецъ сидитъ съ гитарой,
Да поеть о старинѣ».

Насъ не слышутъ! И малютка
Начинаетъ свой рассказъ.
Много тайнъ она завѣтныхъ
Мнѣ открыла въ этотъ часъ.

«Ахъ, не стало старой тетки!
Не ходитъ намъ больше къ ней,
Въ этотъ городъ, гдѣ такъ много
Протекло счастливыхъ дней.

Здѣсь-же дни идутъ уныло,
Какъ въ могилѣ — тишина;
А зимой избушка наша
Снѣгомъ вся занесена.

И порой, какъ на ребенка,
На меня находить страхъ;
Я слыхала, бродятъ духи
Ночью позднею въ горахъ!»

Вдругъ малютка замолчала.
Испугавшись словъ своихъ...
Быстро глазки опустила
И рукой закрыла ихъ.

А сосна шумить уныло,
И глядитъ луна въ окно;
Рудокопъ все тянетъ пѣсню,
И жужжить веретено.

Не страшися духовъ горныхъ,
Пѣсня старая звучить,
День и ночь тебя, малютка,
Божій Ангелъ сторожить!

4. ЗАКАТЪ.

Легче серны и пугливѣй,
По уступамъ дикихъ скалъ,
Отъ меня она бѣжала,
Вѣтеръ кудри ей взвѣвалъ.

Гдѣ утесъ нагнулся къ морю,
Я её остановилъ;
Словомъ кроткимъ, словомъ нѣжнымъ
Сердце гордое смягчилъ.

И на берегѣ высокомъ
Съ нею сѣлъ я, счастья полнъ,
Мы смотрѣли, какъ тонуло
Солнце тихо въ мракѣ волнъ.

Глубже, глубже все тонуло
Лучезарное оно;
И исчезло вдругъ въ пучинѣ,
Моремъ злымъ поглощено

О! не плачь, дитя! вѣдь солнце
Не погбло тамъ на днѣ;
Но съ тепломъ своимъ и свѣтомъ
Въ сердце спряталось ко мнѣ.

5. ДОНЬЯ КЛАРА.

Въ часъ ночной, въ саду гуляетъ
Дочь алькальда молодая;
А изъ яркихъ оконъ замка
Звуки флейтъ и трубъ несутся.

«Мнѣ несносны стали танцы,
И заученныя рѣчи
Этихъ рыцарей, что взоръ мой—
Только сравниваютъ съ солнцемъ.

На меня все вѣтъ скукой
Съ той поры, какъ ночью лунной
Подъ балкономъ мнѣ явился
Рыцарь съ лютней звонко струнной

Онъ стоялъ отважный, стройный,
Очи звѣздами сверкали;
А лицомъ онъ былъ такъ блѣденъ,
Будто мраморъ древнихъ статуй.»

Такъ мечтала донья Клара
И смотрѣла вдаль аллеи;
Вдругъ прекрасный рыцарь снова
Очутился передъ нею.

И рука съ рукою, тихо
Шли они... Дрожали звѣзды;
Вѣтерокъ скользилъ по листьямъ,
И едва качались розы...

— Посмотри! киваютъ розы...
Какъ любовь они пылаютъ..
Но скажи мнѣ, отчего-же
Ты, другъ милый, покраснѣла?

— Мнѣ отъ мошекъ нѣтъ покоя.
Мошки лѣтомъ ненавистны
Точно также, какъ евреевъ
Долгоносая порода.

— Что до мошекъ и евреевъ!
Говорить съ улыбкой рыцарь;
Посмотри съ деревъ миндальныхъ
Листья бѣлые слетаютъ.

Блѣдный рой ихъ наполняетъ
Воздухъ чистымъ ароматомъ...
Но скажи, моя подруга,
Ты меня всѣмъ сердцемъ любишь?

Да, люблю тебя, мой милый,
И любить тебя клянуся
Тѣмъ, Кого народъ еврейскій
Увѣнчалъ вѣнцомъ терновымъ.

— Позабудемъ объ евреяхъ,
Говорить съ улыбкой рыцарь;
Блескомъ палевымъ облиты
Дремлютъ зыбкія лилеи.

Дремлютъ зыбкія лилеи:
Къ нимъ лучи склонили звѣзды;
Но скажи мнѣ, другъ прекрасный,
Не обманъ-ли эта клятва?

— Нѣтъ во мнѣ обмана, милый!
Какъ въ груди мосѣи ни капли
Не струится крови мавровъ,
Ни жидовской грязной крови.

— Позабудь жидовъ и мавровъ, —
Говорить съ улыбкой рыцарь,
И подь сѣнь густую миртовъ
Онъ уводитъ донью Клару.

Нѣжно онъ ее опуталъ
Страсти пламенной сѣтями;
Чу! слова короче стали
И длиннѣе поцалуи....

Соловья напѣвы льются,
Будто звуки брачной пѣсни;
Свѣтляки въ травѣ зажглись,
Какъ огни въ роскошномъ замѣ.

Подъ навѣсомъ листьевъ темныхъ
Все затихло... Только слышны
Шопоть миртовъ осторожныхъ,
Да цвѣтовъ благоуханье.

Вдругъ изъ яркихъ оконъ замка
Полились потокомъ звуки...
И очнувшись, донья Клара
Говорить въ испугѣ другу:

— Чу! зовуть меня, мой милый!
Но въ минуту разставанья
Ты скажи свое мнѣ имя...
Что тайть его напрасно!

И смѣясь лукаво, рыцарь
Доньи пальчики цалуетъ,
Кудри темныя и плечи,
И потомъ ей отвѣчаетъ:

— Я, сеннора, вашъ любсвникъ,
Сынъ мудрѣйшаго изъ старцевъ,
Знаменитаго раввина
Въ Сарагоссѣ, — Израэля!

6.

И у меня былъ край родной;
Прекрасенъ онъ!
Тамъ ель качалась надо мной. ...
Но то былъ сонъ!

Семья друзей была жива,
Со всѣхъ сторонъ
Звучали мнѣ любви слова.....
Но то былъ сонъ!

7.

Возьми барабанъ и не бойся,
Цалуй маркитантку звучнѣй,
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства,
Вотъ смыслъ философіи всей.

Сильнѣе стучи, и тревогой
Ты спящихъ отъ сна пробуди!
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства;
А самъ маршируй впереди!

Вотъ Гегель! Вотъ книжная мудрость!
Вотъ духъ философскихъ началъ!
Давно я постигъ эту тайну,
Давно барабанщикомъ сталъ!

8.

Совѣтовъ полезныхъ не мало
И мнѣ надавали они,
Твердили мнѣ: случая ждите!
И ждалъ я несчетные дни.

Но слушая эти совѣты,
Отъ голоду умеръ бы я,
Когда бы судьба не послала
Мнѣ друга утѣшить меня.

И добрый, онъ подалъ мнѣ хлѣба,
Изъ вѣрныхъ, спасительныхъ рукъ...
Его бы я обнялъ за помощь —
Да трудно... я самъ этотъ другъ!

9.

Быль старый король... (эту пѣсню
Я, други, слыхалъ встарину)
Съдой, и съ остылой душою,
Онъ взялъ молодую жену.

Быль пажъ съ голубыми глазами,
Исполненъ отваги и силъ;
Онъ пролковый шлейфъ королевы
Прекрасной и юной носилъ.

Докончить-ли старую пѣсню?
Звучить такъ уныло она...
Другъ друга они полюбили,
И смерть имъ была суждена

10.

Вѣтеръ осенній колышетъ
Листья деревъ при лунѣ;
Въ плащъ завернувшись, я ѣду
Лѣсомъ густымъ на конѣ.

Мысли, меня обгоняя,
Быстро несутся впередъ...
Домикъ подруги знакомый
Взорамъ моимъ предстаетъ.

Лають собаки... Съ огнями
Слуги встрѣчаютъ меня;
Вотъ я вхожу, о ступени
Шпорами громко звеня.

Въ комнаткѣ теплой и свѣтлой,
Милая плачетъ одна...
Радостно вскрикнувъ, на шею
Кинулась другу она.

Шумъ вокругъ меня раздаётся;
Слышу я говоръ вѣтвей:
— Что тебѣ нужно, безумецъ,
Съ глупой мечтою своей?

О Г Л А В Е Н І Е.

Посвященіе	СТР.
1. Раздумье.	1
2. Молитва.	3
3. «О, нѣтъ! не всякому дано»	5
4. Вопросъ	7
5. Весна	8
6. Послѣ чтенія газетъ.	10
7. Былое	11
8. Въ степи.	14
9. Зимнее катанье	16
10. «Онъ шелъ безропотно, — тернистою дорогой»	17
11. «Ты хочешь пѣсень?»	18
12. Сердцу	20
13. Цвѣтокъ	22
14. Двѣ пѣсни:	
1. «Тихо все глядится мѣсяцъ»	24
2. «Снова я, раздумья полный»	25

II

	стр.
15. Съ польскаго:	
1. <i>Два слова</i>	27
2. <i>Сельская пьсня</i>	28
3. <i>Птичка</i>	30
4. <i>Еще сельская пьсня</i>	31
16. «Много злыхъ и глупыхъ шутокъ» . .	32
17. «Дѣти вѣка все больныя»	35
18. «Когда твой кроткій, ясный взоръ» -	36
19. «Когда мнѣ всрѣтится истерзаннѣй	
борьбою» .	38
20. Мой знакомый.	39
21. «Послѣ грома, послѣ бури»	43
22. «Ты мнѣ мила, пора заката!»	44
23. «О, еслибъ знали вы, друзья моей весны»	45
24. «Что за дѣтская головка»	46
25. Странникъ	47
26. Изъ Рюккерта	48
27. Листокъ изъ дневника	50
28. «Есть дни, ни злоба ни любовь»	55
29. «Не говорите, что напрасно»	57
30. Пѣвица.	59
31. Звуки.	61
32. Мой садикъ.	63
33. С. О. Д..ву.	66
34. «Ты помнишь: пониکشя ивы»	68
35. Птичка	70
36. «Еще одинъ великій голосъ смолкъ» .	72

III

	стр.
37. С.....у.	74
38. Съ пѣмецкаго.	76
39. «Когда возвратился я въ городъ родной»	77
40. «Трудились бѣдные, вы, отдыху не знала»	78
41. «Была пора, своихъ сыновъ».	79
42. «Тобой лишь ясны дни мои»	81

Десять стихотвореній изъ Гейне.

(С. Н. Ф.):

1. «Я помню во снѣ мнѣ явилась».	83
2. «И смѣхъ и пѣсни! и солнца блескъ»	85
3. Горная идиллія.	86
4. Закатъ	89
5. Донья Клара.	91
6. «И у меня былъ край родной»	96
7. «Возьми барабанъ и не бойся».	97
8. «Совѣтовъ полезныхъ не мало».	98
9. «Былъ старый король....»	99
10. «Вѣтеръ осенній колышетъ».	100

NYPL